

Дикобраз / три рассказа

Category: Некаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Дикобраз / три рассказа ДИКОБРАЗ

- Людк, а Людк!
 - Чё-о?
 - Как Дикобраза зовут?
 - Дикобраз.
 - Это – кликуха... А имя?
 - Не знаю, Толя, я его имя... Щас он придёт, спросишь.
 - Неудобно ж...
 - Тогда чё пристал? И вообще, чё лапишь меня?
 - Когда я тебя лапил? Залила шары...
 - Да пошёл ты, Скляр!
 - Ладно, Людк, не бузи! Да не бузи, говорю, убрал я руки...
 - То-то же!
 - А вот и Дикобраз... Привет!
 - Привет, Скляр! Привет, Людк!
 - Как живёшь-дышишь?
 - Так, по-серенькому...
 - Бывшая, что ли бузит?
 - Ага, к сыну не пустила.
 - Зараза!
 - Не понял... вы уже бухаете?
 - Да капель пять всего... Вот, Дикобраз, держи кубок!
- Дикобраз грузно опустился на парковую скамейку, выпил самогона и судорожно вздохнул в сторону немых голубеющих цветов.
- Закуси... Тушёнка, пюре, леденцы для свежего дыхания – трапеза достойная принцев.
 - Да-да, покушай... – поддержала предложение Склера Людка.
 - Куда столько плещешь? – забрал у Толика бутылку блескоглазый Дикобраз. – Всё – разливаю я...
- Скляр задвигал щуплым туловищем, протестовать же не стал. Но когда выпили, заскулил:
- Плесни в кубки!.. Плесни ещё!

В ответ получил кивок.

В тушённом жирке Дикобраз разминал хлебную корку.

– Разгулялись на славу... Как говорится, от жидкостей – к твёрдым телам... Молодец, Людка!

– Я чё, я ничё...

– Кормилица... поилица, – осклабился Толик. – Сейчас, дайте-ка вспомнить... Ага! К его ногам летит букет, а в нём от дамочки привет.

– Наплетёт вранья и верит сам в свои бредни, – вскинулась Людка.

– Пусть букета не было, ладно... Но тебе же Дикобраз нравится? – сделался елейно-масляным Скляр.

Улыбчивый взгляд женщины говорил, что она не сердится. Это придало уверенности Скляру:

– Как бы сняться с мели, а Людк?

– Ещё бы выпил, да денег нет?

– Нет как нет, ты – права... Снимешь с мели?

– За бутылкой пойдёшь сам...

– Ой, пойду, Людк, пойду.

Пока Толик ходил, рыжебородый Дикобраз говорил женщине об отношениях с сыном – «подростком умненьким и добрым», о бывшей жене – «тонкогубой гарпии», о музее – «хранилище человека, где когда-то работал», и даже о появившейся на небе звезде – «маленьком тычке в темноте».

Гургургулили голуби.

– Пряма, как вы воркуят, – принял наисердечнейший вид Скляр.

– Вернулся... – нахмурился Дикобраз.

Толик не заметил перемены в приятеле и начал рассказывать о саранче:

– Не поверите, саранча на крыло встала. Набережную, вы следите... всю залепила... Прёт за Волгу, в степь...

– Казнь египетская.

– А вчера ты тёр, что лягушки – казнь египетская.

– Саранча тоже, – сплюнул сквозь зубы Дикобраз.

– А-а-а, понял...

– Ни черта ты не понял.

– Слышь, архивариус... не один ты интеллигентно трудился...

– Архивариус? Вот получишь в печёнку – станешь бледный и умирающий...

– Прекратите!.. Не ссорьтесь!.. Давайте за дружбу выпьем...

– А Людка-то права, – утихомирился вдруг Скляр.

Дикобраз окинул ладнопричёсанную женщину тягучим взглядом и налил самогона.

«И что я закусился?.. «Тщеславие в сердце сердца...» Надо как-то сгладить...»

– Милостивые дамы и господа, за вас!

Все внесли по улыбке и чокнулись.

– Дикобраз, ты, как всегда, жжёшь!

– Жгу, Толя... Не обижайся, если что не так...

Толик заснул там, где и выпивал, – на парковой скамейке. Разобидевшаяся на Дикобраза Людка ушла домой. Дикобраз глядел на похрапывавшего Толика и думал: «Ну отказал женщине и отказал... Не жестоко ли это? Когда-то, зачем-то я читал... Про нас всех читал... «Люди привяжутся друг к другу, завлекут, заманят... А потом разрыв. Смерть. Крах. Обухом по башке. Ковсемчертям – чтобтвоегодуху. Жизнь человека...»

...Рачьи глаза Дикобраза были открыты. Толик потормошил приятеля, потом потряс, но он всё равно не пошевелился. Он – умер. Тёмные тополя, редкие белые очертания и мёртвый Дикобраз пугали. А тут ещё приближались какие-то головастые парни, и Толику требовалось на что-то решиться: он вскочил и побежал не оглядываясь.

– Помянем Дикобраза, Людк!

Женщина не отозвалась и Скляр, подав ей «кубок», вздохнул.

– Эх... Как его всё-таки звали? Кто же он был?

– Человек, Че-ло-век...

• ДЖАВАД

Пыль дремала на спортивной сумке Джавада. Из воротника парки временами вылезало его оливковое с крупными чертами лицо. Мужчина приникал к чердачному окну и вгрызался взглядом в

набережную. Яичные стрелки часов – хорошо заметные, но не дававшие бликов – не торопились. Джавад терпеливо ждал.

Млел ветер. Солнце медленно сползало к горизонту.

Возле кафе, раскинувшегося на нижней террасе набережной, показалась чёрная лохматая собака и тотчас пропала. Джавад потёр живые с красными прожилками глаза.

«Шайтан... у-у, шайтан...»

Яичные стрелки ткнулись в цифры «6» и «12».

«Скоро, уже скоро...»

Мужчина повернул жилистую шею вправо, потом влево. Лицо его лоснилось, точно покрытое жирным лаком.

– Ну, надо ж мышцам так затечь... – сказал Джавад придушенным голосом и взглянул на стропила. Казалось, на потемневших от недавних дождей стропилах вот-вот появится плесень.

«Ничего-ничего... Кто ждёт многого, дождётся, как говорится, и малого...»

С нижней террасы вспорхнул женский смех, и Джавад снова приник к чердачному окну. Брюнетка с губами одалиски сладостно улыбалась холёному альбиносу, вилявшему за ней обезьяньей походкой. Как ни странно, за этими двоими наблюдали. В беседке, на верхней террасе, Джавад заметил ту, кто это делал – толстую рыхлую блондинку в бежевом плаще. Она была, точно угасающая лампадка. Через минуту парочка села в большой белый лексус и укатила, а толстуха, закрыв руками замурзанное слезами лицо, опустилась на скамейку.

«Нового одно старое... Некая прелестница зацапала богатого женатика...»

Джавад поднёс сжатый кулак ко лбу, и вздохнул.

– И вправду, сердце пронзили семь скорбей...

«Нет, всё это не для меня... Лучшая жизнь – это, когда нет таких «идиотских вещей, как любовь, пищеварение...»

В квартире последнего этажа пел чайник, и ворковали рюмки. Кто-то кого-то перебивал, кто-то с кем-то спорил. Стоял шум, точь-в-точь как на вокзале.

«Пожрать бы», – подумал Джавад, прислушиваясь.

...Небо леденело над городом.

Сумеречный свет мешался со светом электричества, и на террасах

набережной кое-где светлела засохшая трава. Джавад, поглядывая вниз, привязал к торчавшей перед чердачным окном проволоке небольшой лоскут тёмной материи и только после этого поправил воротник парки.

Лоскут отведал ветра и оживился.

Мужчина тронул узловатыми пальцами щетину около ямки на щеке и вдруг снова увидел собаку.

– Про-кля-тый шай-тан!

Собака, словно заболев печалью, протяжно завывала. Рванула с нижней террасы, перебежала через дорогу и скрылась в подворотне старого винно-тёмного дома. Джавад помнил, что там, в подворотне, – машина, как будто кем-то брошенная и забытая. Его придавила мысль.

«Эта чёрная псина предупреждает о смерти? Да плевать, что человек смертен... Плохо то, что он, как замечал господин Воланд, иногда внезапно смертен!..»

Джавад скривил рот.

– Моя школьная учительница была бы, пожалуй, довольна... Да-да, ведь я ещё не забыл, кто такой Воланд...

Яичные стрелки показывали половину седьмого.

«Хм, пора, – ковырнуло Джавада, – время – уже «без пяти поцелуев час целоваться...»

На нижнюю террасу вышатнулся бухой в подкладку мужик. Исхудалый, окостенелый, в сером одеянии с чужого плеча, с заголёнными красными руками. Он сгибал и подставлял спину, как в круговом козле. И Джавад мужика этого видел сегодня – всё в той же подворотне старого винно-тёмного дома. Мужик проковылял метров пять или шесть и рухнул на землю, как сноп. Побормотал, похрипел и заснул.

Неожиданно блеснули фары – тени прижались к деревьям. А вскоре вырисовался джип и, скрипя гравием, подкатил к кафе. Невысокий толстый человек, одетый во всё чёрное и с лиловым платком в кармане, вальяжно вышел из джипа. Джавад, определив по лоскуту направление ветра, снял снайперскую винтовку с предохранителя, прицелился и выстрелил. Затем расстегнул спортивную сумку, затолкал в неё винтовку, подхватил поклажу и побежал к пожарной лестнице.

Криминальный авторитет Бадри Сухумский умер в больнице, так и не придя в сознание. Ни полиция, ни бандиты не смогли отыскать стрелка.

• МАРСЕЛЬСКИЙ БАТЛ

Французский прокурор Андре Риб долго смеялся: кишка тонка. Думаю всё-таки, что он недооценил мои кишки. Обозревателя ведущего национального еженедельника «Либерасьон» Авелин Тома, кажется, это сбило с толку. Впрочем, я и сам растерялся, когда она предложила сделать интервью со мной.

Предложение это передали другие люди. И я не постигал, как буду с ней изъясняться, ведь по-французски ни бельме. А ещё крутил: «Какая она, эта Авелин? Наверное, медноголовая кочерга?» Оказалось, вовсе нет. Авелин впорхнула в мою жизнь небольшой птичкой. Чёрненькой, желтоокой. Подвижной. На ней был абрикосовый сарафан и белые мокасины. Припухшие, как после сна, губы она не красила. Она вообще не пользовалась косметикой.

– Здравствуйте, месье Ледогоров, – прощепетала приветствие на хорошем русском языке Авелин и села за стол. – Спасибо, что не отказались встретиться...

– ?..

– О, не удивляйтесь... Моя мама русская, она и научила языку.

– Понимаю. Ну что ж, задавайте ваши вопросы!

Девушка, не отводя от меня взгляда, выудила из кожаного рюкзака диктофон и планшет.

– А вы на любые ответите?

– Я не против.

– Хорошо, месье Ледогоров...

– Можно... Вадим.

– Вадим, читатели «Либерасьон» хотят знать о Марсельском батле не только от прокурора, но и от футбольного фаната. Так вот, на видео, размещённом на Ютубе, – видно, что вы участвовали в стычках.

Авелин включила планшет.

– Посмотрите! Русские фанаты бегут по Coursd'Estienned'Orves – место в районе Старого порта. Это нечто вроде разминки. Фанаты в боевой позиции. Они хватают всё, что им может пригодиться в драке. А вот тут, в глубине, виден английский болельщик, который потом впадёт в кому. Это настоящая охота на человека с английским флагом... Неожиданно камера выхватывает вас, Вадим... Вы – среди фанатов... Начинают лететь стулья... Узнаёте это видео?

Я на мгновение закрыл глаза.

Большой жёлтый бульвар лежал пластом. Черепами казался булыжник. Суховато серели липы. И англичане – рожи с вывертом. В руках велосипедные цепи, отвёртки...

– Узнаёте?

– Да. Но я ничего не бросал... Я потом пошёл на матч. И у меня голова болела...

– Почему ваш билет на матч не надорван?

– Авелин, это недочёты организаторов. Я засунул билет в электронное устройство. Но никто у меня контрольный квиток не оторвал. А сидел я в секторе Н, внизу.

– Люди были серьёзно ранены. Даже если вы ни в кого не бросали стулья, это сделала группа фанатов, в которой вы находились.

– Повторяю: я еле отгрызся... Англичане чуть мне голову не проломили. Они ведь жрали вискарь в Старом порту несколько дней к ряду. Как это там? Э-э...

– Хорошая лошадь Уайт хорс,
Белая грива, белый хвост...

И тут мелькнуло грубое кофейное лицо владельца магазинчика на Coursd'Estienned'Orves, затюканного англичанами и прославившего фразы ругательствами.

– Один из ваших чертыхался, что это не Марсель, а настоящий Бейрут...

Девушка отмалчивалась.

– Что вы разглядываете меня как музейный экспонат? – спросил я.

– Нет-нет, извините!

– За что вы извиняетесь?

Кожаный рюкзачок её предательски сполз со стола и свалился мне

под ноги. Я с обезьяньей быстротой и ловкостью поднял его. Когда она благодарила меня, то назвала месье Ледогоровым, а, поправившись, через слово вновь сбилась. Видя её смущение, я заговорил сам.

– Во Францию я не драться приехал. Нет, просто ангел нехороший меня крылом задел. Знаете, Авелин, в обычной жизни я менеджер логистической компании... Планы, отчёты, командировки... Ну а дома, в Москве, у меня мама и... больше никого. Я когда вас увидел, то подумал, что вы кого-то мне напоминаете...

– Да, и кого же?

– Не знаю... Вы, вы – такая...

– Давай на «ты».

– Да, конечно.

– Ты счастлив?

– То есть как?... А-а-а... Ты это имеешь в виду... «Ах, что за проклятая штука счастье!»

У девушки вырисовались морщинки на лбу – точно роман сочиняла.

– Вадим, ну почему ты не опроверг обвинения прокурора? Я не понимаю.

– А этот, с глазами варёной рыбы... Странно, но меня, как говорится, охватило какое-то патологическое нежелание действовать.

– Я серьёзно, а ты увливаешь.

– И я серьёзно. Какой смысл махать ручкой, от этого груши с дерева не сыпятся...

– Мне кажется, ты приносишь бесполезную жертву.

– Бесполезных жертв нет, Авелин. Мы должны принести жертву для того, чтобы кто-то другой получил прощение и новую жизнь. И это – в большом, широком масштабе и в масштабе самых простых, близких наших отношений.

– Вадим, ты – хороший... Ты – очень хороший...

– Прости! Но выключен ли диктофон?

– Давно.

– Я вот что хотел сказать: обязательно выучу французский. Влюбиться во француженку – самый надёжный способ овладения иностранным языком.

– А ты влюбился во француженку?

– Кажется, да.

Судья Анук Бонфис предсказуемо вlepила мне двенадцать месяцев тюрьмы. Авелин вернулась в Париж, но заказанную редактором статью не сдала. «Еле отгрызлась, как ты выражаешься», – улыбаясь, рассказывала она при новой встрече. Признаюсь, я был растроган и отвечал: «*Merci, ma preferee! Ta victim n'est pas du tous inutile...*»*

**Merci, ma preferee! Ta victim n'est pas du tous inutile... – Спасибо, любимая! Твоя жертва вовсе не бесполезна... (фр.)*

• МЕЧТАТЕЛЬ

Сегодня я мог как-то слишком прозаично скончаться. Угодить, что называется, со сковородки жизни в огонь чистилища. А всё, оттого что по ошибке начал мешать различные виды газа. Хорошо, что успел отрезать воспламенившийся баллон и сбросить с «Мортонa» – моего воздушного шара.

Я глядел на гаснувшие внизу, под гондолой, полосы белого пламени, пока не почувствовал покалывание в инееоблепленных руках. В гондоле было холодно. Горелки не работали, печка отказала. Пришлось воровать для печки газ от горелок, но температура не поднималась выше минус двадцати, все приборы замёрзли. Но с Божией помощью всё решилось.

– Господи Иисусе Христе, Боже наш, – взывал я смиренно, – стихиями повелеваяй и вся горстию содержи... Вся тварь Тебе служит, вся послушают, вся Тебе повинуются. Вся можеш: сего ради вся милуеши, Преблагий Господи. Тако и ныне убо, Владыко, раба Твоего Федора моления теплая приемля, благослови путь его и воздушное шествие, запрещая бурям же и ветрам противным, и лодию воздушную целу и невредиму соблюдая... Ты бо еси Спас и Избавитель и всех благих небесных и земных Податель и Тебе славу возсылаю со Безначальным Твоим Отцем и Пресвятым, и Благим, и Животворящим Твоим Духом... ныне и присно и во веки

веков. Аминь.

Вдруг закрылись глаза морщинами век и я, то ли сочинив, то ли вспомнив один цветок жалконький, прошептал:

– Отчего ты такой?

– Не знаю, – ответил цветок.

– А отчего ты на других непохожий?

– Оттого, что мне трудно.

– А как тебя зовут?

– Меня никто не зовёт, – сказал маленький цветок, – я один живу... Я тружусь день и ночь, чтобы жить и не умереть...

Своей рукой я держал разводной ключ, чтоб они не разлучились. И тут рука отпустила ключ, он упал на железную тарелку, производя шум, отчего я мгновенно проснулся.

– Столько дней в пути, глаза уж сами жмурятся... Как это там говорится? Ах, да! Нынче я не буду глаза смежать... Нынче я на свет буду смотреть.

...Горизонт сделался туманно-кефирным.

Ветер, что весь день мытарил мой воздушный шар, теперь улёгся на льды недалёкой Антарктиды. Сам себе я напоминал индейца, покрытого сосульками будто украшениями. Благо спасал комбинезон для альпинистов, в котором я когда-то восходил на Эверест.

Зашумело. словно птица захлопала крыльями над головой. Никак не могу привыкнуть к сигналу спутникового телефона.

– Алло! Отец, ты как?

– Нормально. Несу свои воспоминания при себе.

– Послушай, тебя вот-вот накроет холодный фронт из Индийского океана. Будет гроза.

– Ясно, Оскар.

– Отец, пожалуйста, постарайся обогнать этот фронт... А потом двигайся к Австралии.

– Следующий сеанс связи через два часа?

– Да. Будь осторожен!..

Я будто подслушивал сам себя, будто пытался услышать обрывки разговора в соседней комнате:

«Надо мной днём всё время должно быть солнце, а ночью – звёзды. Если над шаром нет звёзд или солнца, значит, падаю. А

если я спущусь в тучи то, они меня придавят и сбросят в океан... Но нельзя мне упасть и утонуть. Со мной крест, в котором сорок шесть мощей святых... На мощи надо молиться, ими нельзя разбрасываться. Федора Конюхова потеряете – не обеднеете, а мощи жалко...»

Небо раскалывалось со страшным грохотом.

Сине-багровые отсветы мелькали то тут, то там.

Цвела гроза.

«Да, не побережь мне мозолей в такую погоду... И пусть! Если бы я путешествовал не один... А позвал бы, например, сына, – было бы тревожнее вдвойне. Это же большой грех – жизнь другого человека опасности подвергать. Всё-таки путешествие – это моя идея, мои расчёты и моя мечта... Мне – шестьдесят четыре. Я гляжу глазами, «уже давно приглядевшимися ко всему на свете»... И, кажется, счастлив...»

Снова захлопали крылья над головой.

– Отец! Приём! Ты меня слышишь?

– Слышу тебя хорошо.

– Ты благополучно миновал мыс Доброй надежды. Поздравляю!

– Спасибо, Оскар!

– Отец, ты над австралийским аэропортом... Нужно тысячу метров для посадки, а у тебя только двести восемьдесят...

– Не уверен... Надвигается ночь...

– Слушай внимательно! Есть риск задеть линии электропередач... Придётся срочно садиться...

Мой хороший друг, Джеймс Кэмерон, недавно на дне Марианской впадины снимал кадры для своего нового фильма. А через несколько лет он намеревается высадиться на Марсе, и я ему верю. Он сделает это. Он – мечтатель. Ну а я, после того, как облетел Землю за одиннадцать дней, хотел бы погрузиться в желоб Тонга в Тихом океане. А ещё, пожалуй, подняться на воздушном шаре в стратосферу. Да, я тоже мечтатель.

Об авторе: АЛЕКСАНДР ЛЕПЕЩЕНКО

Главный редактор литературного журнала «Отчий край». Родился в 1977 году. Живёт в Волгограде. Окончил факультет журналистики Волгоградского государственного университета. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Лауреат премии имени Виктора Канунникова (2008), лауреат Международного литературного форума «Золотой Витязь» (2016 и 2018), лауреат Южно-Уральской международной литературной премии (2017), победитель Международного конкурса короткого рассказа «На пути к гармонии» (2018) и «В лабиринте метаморфоз» (2019), дипломант литературного конкурса маринистики имени Константина Бадигина (2019), финалист Национальной литературной премии имени В.Г.Распутина (2020). Автор четырех книг прозы. Публиковался в литературных журналах «Московский вестник», «Нева», «Невский альманах», «Приокские зори», «Истоки», «Волга XXI век», «Образ», «Камертон», «Перископ» и др. Neкаýalar